

7. Об условиях жизни воспитанников детских домов, отданных по договорам в крестьянские семьи: распоряжение Красноярского окрону // ГАКК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 91. Л. 5, 5 об.
8. Колокольникова З.У. Учреждения общественного призрения сирот в Енисейской губернии конца XIX-начала XX вв. // Вестн. Северо-Восточного федер. ун-та. 2009. Т. 6. № 4. С. 58-64.
9. О состоянии учебно-воспитательной работы в детдомах края: постановление бюро Крайкома ВКП (б) // ГАКК. Ф. Р.-93. Оп.1. Д. 57.
10. Отчет Красноярской городской детской комиссии за 1932 г. // ГАКК. Ф. Р.-1419. Оп. 1. Д. 13.
11. Отчет крайдеткомиссии по отпущенным средствам за январь-декабрь 1931-1932 гг. // ГАКК. Ф.-1419. Оп. 1. Д. 25.
12. Объяснительная записка Красноярской городской комиссии // ГАКК. Ф.-1419. Оп. 1. Д. 25.
13. О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 // Изв. ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1935. № 81 от 8 апр.
14. Сборник действующих узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР, постановлений Деткомиссии при ВЦИКе и ведомственных распоряжений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. М., 1932. Вып. 3. С. 36.
15. Катцина Т.А., Пашина Н.В., Мезит Л.Э. Исправительно - воспитательные учреждения для несовершеннолетних в Сибири в 1890-1940-е гг.: организационный, правовой, педагогический аспекты: моногр. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 240 с.
16. Договор на социалистические соревнования между детскими домами края // ГАКК. 1383. Оп. 1. Д. 447.
17. Об устройстве детей, оставшихся без родителей: постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. // СП СССР. 1942. № 2. Ст. 26.
18. Выступление уполномоченного на пленуме крайкома ВЛКСМ заведующей отделом культурно - просветительской работы крайкома ВКП (б) // ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 521.
19. Отчет КрайОНО о борьбе с детской беспризорностью в крае 1943 г. // ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 457.
20. Отчет КрайОНО о борьбе с детской беспризорностью в крае 1944 г. // ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 457.
21. Отчет о мерах по улучшению состояния детский домов в 1944 г. // ГАКК. Ф. П- 26. Оп. 15. Д. 1.
22. Государственная политика охраны детства в СССР в 1940-1960 гг. (на материалах Красноярского края) / сост. А.А. Нихочина, А.П. Дворецкая, К.Ю. Липатова, Т.И. Мирошникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/64636> (дата обращения: 16.12.2022).
23. Численность детских домов в 1950-х // ГАКК. Ф. 1383. Оп. 1. Д. 845. Л. 101.
24. Справка для выступления на краевом совещании профессиональных союзов 1949 г. // ГАКК. Ф. 1383. Оп. 1. Д. 845. Л. 102.
25. Постановление о шефствующих организациях // ГАКК. Ф. 1383. Оп. 1. Д. 845. Л. 108.
26. Ромм Т.А. История социальной педагогики. Ростов н/Д.: Феликс, 2010. 346 с.
27. Отчет о работе Отроковского детдома, Идринского района // ГАКК. Ф. 1383. Оп. 1. Д. 845. Л. 4.
28. Отчет о работе детских домов Красноярского края за 1936 г. // ГАКК. Ф. 1383. Оп. 1. Д. 845. Л. 137.
29. Доклад члена президиума Шадриной К.С. // ГАКК. Ф. 1383. Оп. 1. Д. 845. Л. 123.
30. Чебаковская А.В. Система государственного управления сферой охраны детства в 1920-1935 гг // Петерб. исторический журнал. 2018. № 2 (18). С. 80-96.

УДК 94 (571.54)

DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-170-175

Практика «красной обрядности» как элемент советской повседневности 1920-х гг. (на материалах Бурят-Монгольской АССР)

А.Н. Соболева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия
soboleva03_88@mail.ru

Статья поступила 26.10.2022, принята 18.11.2022

В статье на основе региональной периодической печати рассматривается процесс зарождения и развития «красной обрядности» на территории Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. Борьба с «религиозными пережитками прошлого» стала важнейшим направлением антирелигиозной политики советского государства. Автором исследованы новые советские ритуалы – «октябрины», «красные свадьбы», «красные похороны», а также изучен опыт организации и проведения «красного рождества» и «красной пасхи» как главных мероприятий безбожной кампании. Отмечается, что наиболее динамично данные процессы

развивались в городе, в меньшей степени – в сельской местности, где сила приверженности традициям, образу жизни и религиозным воззрениям сохраняла высокую устойчивость. Быстро и навсегда искоренить религиозные традиции у большевиков так и не получилось. В 1920-е гг. патриархальный и консервативный уклад жизни крестьян еще крайне медленно пропускал революционные идеи и новшества.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, новый быт, советская повседневность, «красная обрядность», «октябрины», «красные свадьбы», «красные похороны».

The practice of «red rituals» as an element of the Soviet everyday life in the 1920s (on materials of Buryat-Mongolian ASSR)

A.N. Soboleva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Russia
soboleva03_88@mail.ru

Received 26.10.2022, accepted 18.11.2022

Based on the regional periodical press, the article examines the process of the origin and development of the "red ritual" on the territory of the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s. The fight against "religious remnants of the past" became one of the most prominent areas of anti-religious activity of the Soviet state. The new Soviet rituals - "Ochyabriny", "Red Weddings", "Red Funerals" are studied, as well as the experience of organizing and holding "Red Christmas" and "Red Easter" as the main events of the anti-religious campaign is examined. It is noted that these processes most dynamically captured the city, to a lesser extent - the rural areas, where the strength of commitment to tradition, way of life, and religious beliefs remained highly resilient. The Bolsheviks failed to eradicate religious traditions quickly and forever. In the 1920s, the patriarchal and conservative way of life of the peasants was still extremely slow to accept revolutionary ideas and innovations.

Keywords: Buryat-Mongolian ASSR, new life, Soviet everyday life, "Red ritual", "Ochyabriny", "Red Weddings" "F".

Введение. Октябрьские события, произошедшие в 1917 г., привели не только к смене политического режима в России, но и стали основой для серьезных преобразований традиционного жизненного уклада ее населения. Большевики стремились искоренить «пережитки прошлого» и, в первую очередь, вытеснить обряды и традиции, несущие религиозную символику. 20 января 1918 г. Советом народных комиссаров был издан декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который установил светский характер государственной власти и стал одним из способов утверждения коммунистической идеологии.

Вместо традиционных религиозных обрядов большевистское руководство повсеместно пыталось укоренить в быту социалистические новшества. Фактически должна была произойти замена давних церковных обрядов – крещения, венчания и похорон – на аналогичные им гражданские ритуалы, которые в общих чертах сохраняли прежнюю структуру, но наполнялись новым идейным содержанием.

Изучение данной проблемы на региональных материалах представляется актуальной задачей для исторической науки, поскольку каждый регион уникален в силу своих исторических, социально-экономических, социокультурных, природно-

климатических и других особенностей. Такие исследования расширяют географический охват и позволяют выявить сходства и различия, характерные для отдельных регионов и страны в целом. Поэтому на основе ранее не публиковавшихся материалов местной периодической печати (что отражает новизну исследования) автор рассматривает процесс зарождения и развития «красной обрядности» на территории Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг.

В современной отечественной историографии феномену «красной обрядности» посвящены статьи Краснощекова К.Е. [1], Табачник К.К. [2], Савина А.И., Теплякова А.Г. [3], Диановой Е.В. [4], Калюжной О.В. [5], Галиевой Ф.Г. [6], Бобрик И.Е. [7], Шмелева С.А. [8], Соколовой А.Д. [9], Слезина А.А. [10]. В Бурятии проблема «борьбы с религиозными пережитками прошлого» затрагивается в общем контексте модернизационных процессов 1920–1930-х гг. историками Номогоевой В.В. [11], Балдано М.Н., Плехановой А.М., Башкуевым В.Ю., Кириченко С.В., Варнавским П.К., Соболевой А.Н., Хомяковым С.В. [12]. Этим обстоятельством и определен выбор темы данного исследования.

В работе использовались основополагающие принципы и методы научного исследования: историзм, всесторонность, объективность. Это дало возможность изучить проблему с учетом конкрет-

ной исторической обстановки в развитии, взаимо-

Основная часть. Одним из первых введенных в быт гражданских ритуалов стали «октябрины» или «звездины» («революционные крестины»), которые должны были заменить обряд крещения. Сам термин «октябрины» раскрывал суть нового социалистического обряда: новорожденного посвящали делу и идеям Октябрьской революции. Крест как традиционный символ крещения заменялся красной звездой, поэтому у обряда имелось второе название – «звездины». Целью данного праздника был переход населения к атеистическому мировоззрению. «Октябрины» проходили под девизом отказа от использования святцев при выборе имени младенца. В «Инструкции по проведению октябрин» от 1924 г. указывалось, что имена новорожденных должны «носить революционный смысл, быть по возможности кратки и благозвучны» [13, д. 107, л. 61]. Среди рекомендуемых советских имен были как традиционные (без привязки к какому-либо святому), так и новообразованные, например, Сталина, Энгелина, Марксина, Владлен (производные от фамилий революционных деятелей), Динэра (сокр. «дитя новой эры»), Донара (сокр. «дочь народа»), Рэм (сокр. «революция, электрификация, механизация»), Вилор (сокр. «Владимир Ильич Ленин освободил рабочих»), Дамир (сокр. «да здравствует мировая революция»), Ким (сокр. «коммунистический интернационал молодежи») и пр.

«Октябрины» преподносились как особо значимое событие в жизни новорожденного и его родителей, поэтому проходили в торжественной обстановке. Местами их проведения стали рабочие клубы, красные уголки, избы-читальни, сельские советы. Перед собравшимися выступала комиссия, состоявшая из партийных и комсомольских активистов, профсоюзных работников, делегатов женотдела. Они разъясняли значение «октябрин» для советского государства, выступали с докладами на антирелигиозные темы, произносили празднично-напутственные речи, дарили подарки.

В 1925 г. в Бурят-Монгольской АССР были проведены первые «октябрины» пяти новорожденных детей. Желавших посмотреть новый советский обряд собралось достаточно. ...Октябрины открылись торжественным заседанием. Зал был переполнен молодежью и взрослыми. С улицы в окна также заглядывала толпа интересующихся. Октябрили детей работников печати г. Верхнеудинска. На сцене под красными знаменами заседает президиум в составе руководителей партии и комсомола. Вместо иконостаса – портреты вождя революции и почетный караул, состоящий из пионеров. Младенцам под пение «Интернационала» на пеленку прикрепили значок. Самая интересная

связи и противоречивости.

часть – выбор имен, которые голосованием определил собравшийся народ. Мальчиков назвали Ким и Владлен, а девочек – Розой, Октябриной и Искрой [14, с. 4].

Важной особенностью «красных октябрин» было зачисление новорожденных в различные добровольные советские общественно-массовые организации и установление шефства над ними производством, заводом, фабрикой: «... ребенок не успевал родиться, а уже получал пионерский значок, членский билет профсоюза и вступал в ряды добровольных обществ – ОДВФ, Доброхим и пр.» [15, д. 276. л. 23].

Совершение советского обряда имянаречения становилось привычным в городах, где влияние идеологии было сильным и практически отсутствовала почва для поддержания этнических традиций. Коллективные условия труда на производстве, проживание в коммунальных квартирах также способствовали проведению и внедрению в быт нового социалистического ритуала. Во второй половине 1920-х г. «октябрины» фиксировались и в сельской местности. Для советской власти это было особенно важно, поскольку крестьяне составляли большинство населения республики. В 1926 г. в с. Читкан Баргузинского аймака прошли октябрины мальчика и девочки. В местной избе читальне состоялось необычное торжество – «октябрины» новорожденных брата и сестры. Посмотреть на новый обряд собралось около 80 человек, многие пришли с соседних сел. Родители предложили присутствующим выбрать имена. Девочку безоговорочно назвали Октябриной в честь Октябрьской революции, а мальчику предлагали следующие имена – Ревмир, Владлен, Ким. После всестороннего обсуждения его решили назвать Владленом. Под гром аплодисментов младенцам были вручены одеяла и несколько аршинов ткани на пеленки [16, с. 4].

Многим молодым родителям хотелось не отставать от советских нововведений и участвовать в «октябринах», но под влиянием людей старшего поколения они соглашались проводить религиозный обряд крещения новорожденных и давали им христианские имена. Поэтому наряду с традиционными открытыми формами практика крещения приняла скрытые. Так появились тайные крещения, крещения на дому, крещения мирянами и т.п. Этнограф Д.А. Золотарев по этому поводу писал: «В молодых семьях соглашались проводить “октябрины”, но они нередко сопровождаются тайными крестинами. Вместе с революционным именем родители дают ребенку и христианское. Например, Ким и в то же время Аким [17, с. 145].» На небольшом приведенном примере видно, как переплетает-

лись между собой вековые религиозные традиции и революционные новшества.

К концу 1920-х гг. «октябрины» и увлечения необычными именами постепенно отходят на второй план, уступая место формальной процедуре регистрации и выдаче родителям свидетельства о рождении ребенка в органах ЗАГС.

После принятия декретов советской власти «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», «О расторжении брака» церковный брак утратил юридическую силу. Торжественный обряд венчания постепенно стал замещаться так называемой «красной свадьбой», которая так же, как и «октябрины», являлась общественно-политическим событием и служила поводом для антирелигиозной пропаганды. Правила светской брачной церемонии были максимально упрощены, что захватило пролетарские слои населения, партийных, комсомольских, профсоюзных активистов. Осуждению подвергались пышность и роскошь церковного свадебного обряда. Идеологи призывали молодоженов соблюдать революционную простоту и аскетичность, отказаться от таких атрибутов свадебной церемонии, как белое платье невесты (ему на смену должны были прийти рабочие костюмы), кольца, каравай и праздничный стол с большим количеством алкоголя, поскольку все это не соответствовало облику нового советского человека.

Вот как описывала «красную свадьбу» в заводском клубе в 1924 г. газета «Бурят-Монгольская правда»: сцена клуба украшена портретом Ленина, а за ним развешивается комсомольское знамя. За большим столом, покрытым красной скатертью, сидят брачующиеся – коммунист и беспартийная работница. Рядом с ними – делопроизводитель отдела ЗАГСа и комсомольский актив. После торжественной речи секретаря комсомольской ячейки, молодожены отвечают, что вступают в союз добровольно и по взаимному согласию. Под громкий рокот аплодисментов подносят подарки: предметы первой необходимости для обустройства быта и революционные книжки. Апофеозом торжества является пение «Интернационала» [18, с. 3].

Во второй половине 1920-х гг. социалистические преобразования коснулись и традиционной бурятской семьи, где у невесты не спрашивали согласия, а отдавали замуж путем «покупки» – уплаты калыма. Размер выкупа зависел от условий, которые выдвигали родственники девушки, и финансового благополучия молодого мужчины.

Важным аспектом для института советского брака был добровольный характер и обоюдное согласие жениха и невесты. Большевицкое руководство установило равноправие между мужчинами и женщинами и решительно ликвидировало многоженство и обычай выкупа невест, назвав его

«пережитком старого быта, превращавшего женщину в предмет купли и продажи».

В 1928 г. в республике состоялась бурятская «красная свадьба», которая подробно описана П.Ф. Требуховским: «Свадебный поезд состоял из семи подвод, дуги которых были украшены разноцветными флажками, колокольцами, социалистическими лозунгами: «Красная свадьба – крах калыму», «Красная свадьба – переворот на бытовом фронте улуса». Непривычная свадебная церемония вызвала большой интерес у местного населения [19, с. 114].

Появившийся в первые послереволюционные годы термин «расписаться» стал постепенно входить в быт. Но обрядовая религиозная сторона жизни также продолжала существовать одновременно с новыми советскими традициями. Заведующий Баргузинским ЗАГСом А. Слобженинов в своем отчетном докладе от 1928 г. отмечал, что со стороны населения явного нежелания или отказа регистрировать гражданские акты не наблюдается, но некоторые не прочь ограничиться религиозными обрядами, а регистрацию брака или отложить на более или менее продолжительный срок, или вовсе воздержаться от таковой [20, д. 4, л. 23].

Социалистические преобразования коснулись всех сторон жизни населения, в том числе и традиционного погребального обряда. Большевицкое руководство предлагало проводить «красные похороны», важнейшей частью которых должна была стать гражданская панихида, состоящая из торжественно-траурных речей о жизненном пути умершего, о политике советской власти и строительстве нового быта. Обязательные атрибуты советского гражданского ритуала – обитый красной тканью гроб, красные повязки на рукавах участников похорон и красные флаги.

Согласно новым установленным правилам траурную процессию возглавляли члены комсомольской ячейки в сопровождении отряда пионеров. Примечательно, что советская пресса 1924–1925-х гг. сообщала о так называемых «пионерских похоронах», когда дети провожали в последний путь своего сверстника. Так, например, в одной из заметок, опубликованной в местной газете «Бурят-Монгольская правда» сообщалось, что в г. Троицкосавске в 1925 г. пионеры провели похороны школьного друга. Ученики шли с гробом под пение новых бытовых и революционных песен и размахивали красными знаменами. Похоронное шествие остановилось у школы, где были произнесены речи. Среди собравшихся посмотреть на гражданские похороны можно было услышать: без отпевания, икон и молитв, разодетого в красные одежды вряд ли примет его земля. Не по-божески как-то это все, неправильно [21, с. 3]. Рез-

ко контрастировавший с традиционным похоронопроизводителем на окружающих сильное и неоднозначное впечатление.

В Бурят-Монгольской АССР советский стандарт гражданского похоронного обряда принимался не сразу, не везде одинаково и приводил к условному делению общества на два лагеря: старшее и среднее поколение, не верящее в долговечность большевистской власти и молодежь, которая постепенно приходила к выводу, что «без попа и отпевания хоронить лучше». Горожане быстрее осваивали советские нововведения, но подавляющее большинство сельского населения продолжало хоронить «по-старому» и не испытывало большого энтузиазма по поводу «красных похорон».

В моноэтнических бурятских улусах также сохранялся неискоренимый местный колорит, и нормой повседневной жизни оставались традиционные религиозные похороны. Так, например, в Кижингинском районе Бурят-Монгольской АССР, как отмечает в своих исследованиях этнограф С.Г. Жамбалова, несмотря на государственный атеизм, бывшие ламы, священнослужители и буддийские послушники (хувараки) продолжали тайно проводить религиозные обряды: определяли благоприятные дни для погребения, а заупокойные буддийские молитвы читали ночью. Знающие молитвы местные старики, степные ламы, буддисты-мирянами также соглашались проводить религиозные обряды. Практически аналогичная картина наблюдалась и в районах проживания бурят-шаманистов. Опасаясь рейдов воинствующих безбожников, шаманы проводили религиозные похоронные обряды глубокой ночью [22, с. 112–113].

Несмотря на то, что власти через газетные сообщения того времени активно старались показать как можно более широкий круг лиц, похороненных по новому гражданскому ритуалу – коммунистов, комсомольцев, пионеров, рабочих, беспартийных, – «красные похороны» в 1920-е гг. широкого распространения среди населения не получили и оставались скорее антирелигиозной демонстрацией узкого круга политизированной, заинтересованной молодежи.

Новая социальная организация быта поменяла не только правила регистрации рождения, смерти и брака, но и коснулась ключевых христианских праздников – Рождества Христова и Пасхи. Здесь власть также использовала технологию подмены образов путем переноса церковных торжественных мероприятий на альтернативные советские «красные праздники».

24 ноября 1922 г. Центральным комитетом РКСМ был подписан документ о «Кампании комсомольского рождества», в котором отмечалось, что в основе организации нового праздника должны лежать религиозные традиции с испол-

ронным обрядом новый гражданский ритуал зованием символов и идей коммунистической идеологии [23, с. 57]. Антирождественская кампания прошла по всей стране, не стала исключением и Бурят-Монгольская АССР.

Одним из ключевых событий «красного комсомольского рождества» стали антирелигиозные уличные демонстрации и карнавалы с чучелами священников, пародирующие крестные ходы. Так, газета «Бурят-Монгольская правда» описывала рождественский карнавал 1923 г. в г. Верхнеудинске: по улицам города с зажженными факелами шла костюмированная группа священнослужителей в лице попа, ламы, раввина. За ними двигались музыканты с баянами и молодежь с плакатами и политическими лозунгами [24, с. 2]. А комсомольцами г. Троицкосавска в том же году было устроено антирелигиозное шествие под пение революционных песен. На центральной площади молодые люди сожгли принесенные из дома иконы и торжественно поклялись не переступить порог церкви. После этого в клубе состоялась инсценировка на религиозную тему «Рождение богов», вечер продолжился играми, шутками и танцами.

Все это, безусловно, оскорбляло чувства верующих и приводило к конфликтам. Поэтому позже партийное руководство рекомендовало отказаться от публичных уличных демонстраций и сосредоточиться на пропаганде научных знаний путем читки просветительных докладов в рабочих и сельских клубах, избах-читальнях и красных уголках.

Советская власть считала религию опиум для народа, поэтому на смену важному церковному празднику «Светлому Христову воскресению» пришла «красная пасха». Вместо утренней пасхальной службы, освящения куличей и окрашивания яиц комсомольской молодежью устраивались коммунистические факельные шествия, театрализованные карнавалы, ярмарки; организовывались лекции, на которых негативно отзывались о священнослужителях и церковных праздниках; ставились различные научные опыты и химические эксперименты. Целью было отвлечь верующее население от выполнения религиозных обрядов. К концу 1920-х гг. Пасху и вовсе перенесли из выходного в рабочий день.

Заключение. Масштабная агитационно-пропагандистская работа и введенные большевиками гражданские ритуалы – «октябрины», «красные свадьбы», «красные похороны», «красная пасха», «красное рождество» должны были стать гражданской альтернативой прежним церковным обрядам и, не разрушая привычного сложившегося уклада жизни населения, выполнять заложенную в них идею формирования нового коммунистического общества. Но людям требова-

лось время, чтобы понять социалистические нововведения и привыкнуть к ним. Наиболее динамично данные процессы развивались в городе, в меньшей степени – в сельской местности, где сила приверженности традициям, образу жизни и религиозным воззрениям сохраняла высокую устойчивость. Быстро и навсегда искоренить религиозные обрядовые традиции у большевиков так и не получилось, перекрашивание их в красные цвета не дали нужного эффекта. В Бурят-Монгольской АССР, так же, как и в других регионах страны, сохранился свой местный колорит, обусловлен-

ный вековой традиционной культурой и конфессиональной принадлежностью народа. Поэтому в 1920-е гг. патриархальный и консервативный уклад жизни крестьян еще крайне медленно пропускал революционные идеи и новшества.

Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5)

Литература

1. Краснощеков К.Е. Советская гражданская обрядность как элемент гонений на русскую православную церковь: исторический обзор // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2022. № 3 (18). С. 82-105.
2. Табачник К.К. Феномен «Красного рождества» и «Красной Пасхи» в антирелигиозной пропаганде 1920-х гг. на примере г. Ленинграда // Актуальные вопросы церковной науки. 2022. № 1. С. 173-176.
3. Савин А.И., Тепляков А.Г. «Красные похороны». Новая похоронная обрядность в молодой советской России // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 3. С. 205-228.
4. Дианова Е.В. Эволюция практики имянаречения в первые десятилетия советской власти // История повседневности. 2021. № 1 (17). С. 76-103.
5. Каложная О.В. Процесс создания нового государственного календаря и внедрение советской обрядности во Владимирской губернии в 20-е гг. XX в. (по материалам прессы) // Вестн. Владимирского юридического ин-та. 2019. № 3 (52). С. 162-166.
6. Галиева Ф.Г. Революционные крестины как феномен советской культуры 1920-х гг. (по материалам прессы Башкирии) // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 1. С. 26-41.
7. Бобрик И.Е. Практика красной обрядности как элемент советской повседневности начала 1920-х гг. (на примере «революционных крестин» Енисейской губернии) // Человек в мире культуры. 2017. № 2-3. С. 18-21.
8. Шмелев С.А. Красное «Комсомольское рождество» и проблема нового быта в начале 1920 х гг. // Изв. Самарского науч. центра Рос. академии наук. 2015. Т. 17. № 3. С. 92-99.
9. Соколова А.Д. Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 191-208.
10. Слезин А.А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82-91.
11. Номогоева В.В. Бурятия в 1920-1930-е гг.: опыт социально-культурной модернизации. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2011. 318 с.
12. Балдано М.Н., Башкуев В.Ю., Варнавский П.К., Кириченко С.В., Плеханова А.М., Соболева А.Н., Хомяков С.В. Интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920-1930 гг.). Иркутск: Отгиск, 2021. 416 с.
13. Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР // Гос. архив Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 5407. Оп. 1. Д. 107.
14. Крепим новый быт // Бурят-Монгольская правда. 1925. № 45. 25 февр.
15. Бурятский областной комитет ВЛКСМ // Гос. архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.П-36. Оп. 1. Д. 276.
16. Октябрины // Бурят-Монгольская правда. 1926. № 127. 8 июня.
17. Золотарев Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919-1925) // Материалы по этнографии (Этнографическое отделение Русского музея). 1926. Т. 3. Вып. 1. С. 143-158.
18. Красная свадьба // Бурят-Монгольская правда. 1924. № 119. 30 мая.
19. Требуховский П.Ф. Свадьба балаганских бурят в прошлом и настоящем // Просвещение Бурятии. 1930. № 1. С. 114-120.
20. Баргузинский ЗАГС // ГАРБ. Ф.Р.-1598. Оп. 1. Д. 4.
21. Новый быт // Бурят-Монгольская правда. 1925. № 84. 3 марта.
22. Жамбалова С.Г., Суворова А.С. Погребальная обрядность бурят: традиции, трансформации, возрождение (XIX - начало XXI в.). Иркутск: Отгиск, 2017. 276 с.
23. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Россия молодая, 1992. 304 с.
24. Антипасхальный карнавал // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 17. 10 янв.